

Любовь
и
судьба

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2020

МАРТИН ЛЮТЕР
И
КАТРИНА ФОН БОРА

ДЖОДИ ХЕДЛАНД

Дютер
и
Катарина

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ
И МЯТЕЖА

ББК 86.37
X35

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

Luther and Katharina

by Jody Hedlund.

This translation published by arrangement
with WaterBrook Press,
an imprint of the Crown Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

All rights reserved.

*Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.*

Хедланд, Джоди

X35 Лютер и Катарина / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2020. — 352 с. —
(Любовь и судьба).

Эта книга о любви двух необыкновенных людей. Имя Мартина Лютера, инициатора Реформации, основателя немецкого протестантизма, известно многим. Но что мы знаем о Катарине фон Бора? В лучшем случае, некоторые смогут вспомнить, что она была женой Лютера. Да, это так. А еще она была сильной, умной, красивой, незаурядной женщиной — под стать великому реформатору. Прочитав эту книгу, вы узнаете, как Мартину и Катарине удалось пройти через все трудности и преодолеть свои недостатки, которые мешали им принять любовь, дарованную им Богом.

ББК 86.37

ISBN 978-1-60142-762-5 (англ.)

© 2015 by Jody Hedlund
© Издательство «Виссон», 2020

*Эта книга посвящается тебе, отец.
У тебя как лютеранского священника
было много общего с Мартином Лютером:
личностные качества, любовь к семье,
преданность Евангелию
и страстное желание служить своей пастве.
Тебя любили везде, где тебе доводилось трудиться.
И я надеюсь, что ты, взирая на нас с небес,
гордишься своей дочуркой.*

ГЛАВА 1

*Пасхальное утро 1523 года,
перед рассветом
Саксония, Германия*

Нора прыгать. Ноги Катарины запутались в наплечнике* и дрожали. Она сидела на корточках на краю каменного подоконника и со страхом смотрела вниз на слежавшуюся прошлогоднюю траву. Весна лишь робко заявляла о себе.

Под ее ногами простирался темный монастырский двор: аккуратно подстриженная живая изгородь, огороды, сад, за которым виднелась толстая каменная стена. Молодая апрельская луна холодным светом заливала двор. Катарина вглядывалась: никого, ни малейшего движения... Надо было решаться. Но как только она переводила взгляд под ноги, голова начинала кружиться. Будто она видела бездну, страшную и опасную.

Ну же, не трусь, мысленно уговаривала она себя, всего лишь два этажа, не так высоко, как кажется.

— Прыгайте, госпожа, — услышала она за спиной обеспокоенный голос Греты. — Прыгайте, мы и так слишком задержались.

— Помоги! — Катарина в страхе ухватилась за руку служанки. — Я боюсь расшибиться.

Грета, высвобождая руку, стала слегка подталкивать Катарину к самому краю подоконника. Катарина дышала прерывисто,

---

* Наплечник (скапуляр) — часть монашеского облачения, представляющая собой длинное полотно (накидку), надетое на плечи и достигающее кромки одеяния как спереди, так и сзади. Его носят поверх монашеской рясы. Возможно, происходит от предохраняющего одежду большого передника. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

словно вбирая в себя застоявшийся воздух монастыря, от которого едва не теряла сознание. Наконец она сделала последний глубокий вдох и подалась вперед, как вдруг за ее спиной раздался срывающийся шепот:

— Нет, стой!

Катарина отпрянула от края подоконника, на ее лбу выступили капли пота. Это была Маргарита, взволнованная, с бледным лицом, казалось, оно было такого же цвета, как белая лента, закрывающая ее лоб.

— Мы не должны уходить без сестры Рут, — горячо шептала Маргарита.

В холодном свете луны худое лицо Маргариты выглядело еще более некрасивым, чем было на самом деле. Узкий длинный нос и выступающий подбородок придавали ей суровый вид, но взгляд, добрый и жалостливый, смягчал неприятное впечатление. Сердце ее было любящим, сейчас она переживала за отсутствующую сестру:

— С сестрой Рут, видимо, что-то случилось, мы не можем ее тут оставить...

— Что могло с ней случиться? — поспешила возразить Грета. — Служба давно закончилась. Видимо, она передумала бежать. Мы не можем рисковать из-за нее, не можем больше медлить.

Грета опять стала подталкивать Катарину к краю подоконника.

Катарина оглянулась на сгрудившихся в ее узкой келье восьмерых монахинь, Рут должна была быть девятой. Кто-то стоял у стены, кто-то сидел на ее соломенном тюфяке. Почти все они дрожали. Скорее от страха, нежели от ночного холода, который проникал через открытое окно в и так неотопливаемую келью.

Катарина ясно осознала, что если она не поспешит, если прямо сейчас не прыгнет, то не только себя подвергнет большому риску, но и всех этих испуганных и доверившихся ей женщин обрежет на неприятности. Она была готова к прыжку. Но Маргарита... Ее цепкие пальцы впились в плечо Катарини.

— Еще пару минут, — умоляла Маргарита.

Поистине, у Маргариты было любящее сердце. И Катарина любила эту нескладную, такую добрую, излишне жалостливую монахиню почти как родную. Но поддаться на ее просьбы — значит упустить последний, возможно, единственный шанс

вырваться на свободу. С каждой минутой возможность незаметно покинуть монастырь улетучивалась.

В монастырском дворе все еще было тихо. Костер, зажигаемый возле церкви на Пасху, давно погас. Никого не видно и не слышно — полная тишина, как положено в монастыре хоть днем, хоть ночью. Все остальные сестры монастыря Мариентрон наверняка спят после долгой пасхальной службы. Только на Пасху нарушался раз и навсегда установленный уклад жизни монастыря, ход богослужений, предписанные часы приема пищи и отхода ко сну. Из-за длинной праздничной службы монахиням разрешалось ложиться спать позже. Но сейчас они крепко спали.

Только в эту ночь был шанс привести в действие план, который Катарина обдумывала не один месяц. И вот теперь ее грудь сжималась от боли. Она, как и Маргарита, очень не хотела бросать сестру Рут, но времени ждать больше не было.

— Прости, Маргарита. — Катарина сжала холодные тонкие пальцы подруги. — Грета права, пора бежать. Нам надо быть далеко отсюда, до того как начнут созывать на службу первого часа*. Нам пора.

Катарина ухватилась за шершавый холодный камень. Неужели у нее хватит духу прыгнуть? Неужели она верит, что монахиням можно сбежать из монастыря и их не поймают? Неужели забыла кнут аббата Бальтазара? Он будет рад поохотиться на них как на зайцев.

Одно только имя аббата Бальтазара способно было привести в трепет, по телу Катаринины побежали мурашки. Она явственно услышала, как кнут со свистом опускается на обнаженные спины сестер. Это было еще вчера. Бальтазар жестоко наказал женщин за одно лишь письмо, спрятанное в соломе тюфяка. Связь с внешним миром отвлекала монахинь от служения Богу и жестоко каралась. Ничто не должно было стоять между монахинями и их служением. Тем более какие-то письма, в которых доносились слухи о еретике Мартине Лютере и его богомерзких сочинениях. В последнее время аббат сократил до минимума посещения родственников и ограничил переписку с ними. Он

---

* Служба первого часа (первый час) — богослужение суточного круга, первоначально совершавшееся в первый час от восхода солнца.

был не глуп и понимал, что эти письма, проникающие в женские монастыри, вносят смуту в души монахинь. Он не мог допустить, чтобы в находящихся под его надзором обитателях сеялись семена ереси. Но, обнаружив письмо, аббат понял, что учение Лютера проникло и сюда.

Аббат Бальтазар был в ярости. Наказывая провинившихся, он, естественно, хотел выяснить, как крамольное письмо попало в монастырь, кто и как сумел передать его. Но эти упрямые женщины молчали. Как же они его огорчили! Только зря они думают, что Бальтазар оставил это дело просто так. После Пасхи он продолжит расследование.

У Катарины свело живот при воспоминании о Бальтазаре. Из-за одного только письма он рассвирепел как зверь. Какое же наказание ждет беглянок, если их поймают? Нет, лучше не думать об этом. Катарина гнала от себя мысли о возможных последствиях неудачного побега. Она успокаивала себя тем, что долго готовилась к этому, тщательно продумывала каждую деталь: время побега, подробный маршрут... Каждый день она понемногу отгибала, расшатывала свинцовые крепления решетки на окне своей кельи, чтобы можно было беззвучно вынуть ее в день побега.

Да, она все хорошо продумала. Но в таком деле не обойтись без досадных сюрпризов. Несмотря на тщательную подготовку, что-то могло пойти не по плану. Расстояние между ее окном и монастырской стеной было небезопасным отрезком пути, на котором могло произойти все что угодно. А ведь еще надо перебраться через толстую стену..

Чьи-то пальцы осторожно сжали плечо Катарины. Она повернулась и увидела полные слез глаза тетушки Лины. Сегодня ночью эта монахиня дежурила и должна была следить за порядком, докладывать о любых происшествиях. Катарина знала, что Лина ничего никому докладывать не будет и может сильно пострадать из-за этого. Черное покрывало скрадывало выражение грусти на ее усталом, одутловатом лице.

— Да пребудет с тобой Господь, дитя, — прошептала тетушка Лина.

— Идемте с нами, — сказала Катарина, прекрасно зная, что предлагать бесполезно. Лина была уверена, что в свои сорок лет она слишком стара, чтобы уйти из монастыря, выйти замуж и

начать новую жизнь. Переубеждать ее просто не было времени. Катарина погладила тетушку по щеке, понимая, что вряд ли когда-нибудь еще увидит ее.

Монахиня взяла Катарину за подбородок и повернула лицом к деревянному кресту — единственному украшению кельи:

— Не забывай молиться.

— Не забуду.

Она прижала голову Катарины к своей груди и поцеловала в висок:

— Я люблю тебя, Катарина фон Бора.

У Катарины сжалось сердце от боли. Где и когда она в последний раз слышала эти слова? Во всяком случае, не в монастыре. За все годы, что она провела здесь, ее отучили от любых проявлений чувств, тем более нежных.

Похоже, тетушка Лина тоже смутилась от того, что решилась заговорить о своей любви. Она никогда не позволяла себе подобных откровений, но Катарина знала, что тетушка любит ее, по тому, как та заботилась о ней. Сейчас слова любви, произнесенные едва слышным шепотом, были подобны грому небесному. Они придали Катарине решимости. Она хотела сказать в ответ, что тоже любит Лину, заменившую ей мать. Но не умела выразить свои чувства. Даже если бы ей удалось найти слова, она не смогла бы их произнести из-за кома в горле. Тем временем Лина перешла на язык жестов, которым они нередко пользовались в монастыре, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

«Иди, — показала Лина руками. — Хватит прощаться».

«Пожалуйста, пойдёмте вместе». — Катарина отвечала тоже жестами.

Тетушка отрицательно покачала головой и указала на окно.

Сердце Катарины разрывалось на части. Она знала, что Лину первой будут допрашивать. Она не могла не знать про побег, поскольку дежурила этой ночью. В конце концов аббат Бальтазар все узнает, и гнев его будет ужасен. Не избежать жестокого наказания, поскольку Лина не выполнила свои обязанности, не донесла. Сможет ли тетушка перенести это, ведь разъяренный Бальтазар может запороть до смерти.

Грета вцепилась в плечо Катарины со всей силой:

— Госпожа, мы опаздываем! — В голосе служанки слышались паника и отчаяние.

Катарина кивнула. Время для раздумий и колебаний закончилось.

Грета помогла Катарине вылезти из окна. Теперь беглянка висела на руках, ухватившись за подоконник и прижимаясь щекой к холодному камню. Грета придерживала ее руки, чтобы Катарина могла подготовиться к прыжку и не сорвалась раньше времени. Ее ноги в мягких кожаных туфлях болтались над арочным окном первого этажа.

Когда Грета выпустила руки Катарины, та от страха закрыла глаза и в тот же миг почувствовала удар о твердую землю. Удар был сильным, в глазах у Катарины потемнело, дыхание перехватило. Пока она пыталась вдохнуть полной грудью, раздался еще один глухой удар и тихий вскрик. Катарина увидела, что рядом с ней сидит Грета и тоже хватается ртом воздух.

— Тебе следовало подождать, пока я приду в себя и буду готова тебе помочь, — тихонько отчитала она служанку, затем поднялась с земли. Боль пронзила ноги, потом все тело.

— Время не ждет, — буркнула в ответ Грета.

Поднимаясь с земли, она попыталась выпрямиться, но тут же согнулась пополам, схватилась за живот, и ее вырвало.

— Что с тобой? — забеспокоилась Катарина. — Сильно ушиблась?

Грета в смущении отвернулась, оттирая испачканный рвотой подол. Ее одеяние было грубее, чем одеяние Катарины, отличающееся более тонкой работой. Служанке полагалось быть скромнее и носить простую одежду. Впрочем, отличие было только в ткани и работе. Внешне все обитательницы монастыря выглядели одинаково. Стриженные головы были тщательно спрятаны под покрывалами, одеяние не выдавало ни одного изгиба женского тела. Ничто не должно было говорить о том, что перед вами женщина. Но если бы кому-то удалось заглянуть под покрывало Греты, то счастливчик увидел бы живые выразительные глаза, хорошенькое личико. Однако сейчас, после падения оно было искажено болью.

— Да что с тобой? — в раздражении повторила свой вопрос Катарина.

— Все хорошо, госпожа, со мной все хорошо. — Не успела Грета договорить, как очередной приступ рвоты снова согнул ее пополам.

— Нет, тебя что-то беспокоит, — возразила Катарина и испуганно съежилась, ее шепот разнесся по всему монастырскому двору.

Катарина мысленно отругала себя за то, что нарушила свои же указания. Накануне она строго-настрого запретила беглянкам переговариваться в стенах монастыря. Они должны были молчать и только при крайней необходимости изъясняться языком жестов. Катарина в тревоге посмотрела на окна первого этажа. Там царил мрак, и никакого движения не наблюдалось. Но больше всего ее волновало, что может проснуться один из сторожей, у которых были ключи от ворот. Тогда их путешествие закончится, так и не начавшись.

Катарина оставила попытки узнать, что беспокоит Грету. Какой смысл сейчас узнавать это? Даже если она разберется в причине неблагополучия Греты, все равно ничем не сможет ей помочь в данную минуту. Она займется недугом служанки, когда все окажутся в безопасности.

Грета в очередной раз вытерла рот рукавом и подняла голову к окну, у которого стояли остальные беглянки, их белые покрывала выделялись на фоне темного фасада из грубо отесанного камня. Этот почти необработанный камень придавал зданию суровость, приличествующую цистерцианскому ордену, в котором приветствовалась бедность, отвергались любые украшения вроде статуй, цветных витражей и прочих излишеств.

«Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою...» Катарина тем временем сосредоточилась на молчаливой молитве Богородице. Латинские слова проносились в ее голове с легкостью. Она любила молиться, для нее это было то же, что дышать. Молитва лилась из ее души без усилий, сама собой. А в ситуации, в которой находилась теперь она и ее подопечные, разве можно было обойтись без божественной помощи? Конечно, нет. Если они хотят добраться хотя бы до стены, то молиться надо усиленно. Не говоря уже про последующее. Еще семь беглянок должны прыгнуть со второго этажа. Да так, чтобы никто не заметил!

Грета вроде бы пришла в себя и помогала выпрыгивающим из окна девушкам. Катарина наблюдала за обстановкой. Ее нервы были напряжены до предела. Ей мерещился то свет,

зажегшийся в окнах, то мелькание лиц за свинцовыми решетками. Вглядываясь пристально, она с облегчением обнаружила, что ошиблась.

Наконец все девушки благополучно приземлились и окружили Катарину в ожидании дальнейших указаний. Она жестом показала, что нужно следовать за ней. Первым делом Катарина бросилась под укрытие зеленой изгороди. Девушки осторожно пробирались за ней между колючими ветками, стараясь не оцарапаться. Надо было миновать арку во внутренней каменной стене, за которой располагались три больших монастырских огорода. Бегом прямо по грядкам, где в сезон выращивались овощи, монахини достигли внешней стены.

Катарина старалась держаться как можно дальше от дома, в котором находился аббат Бальтазар. Одновременно она продолжала наблюдать за окнами фасада — не появится ли мерцание свеч, не проснутся ли еще двое монахов, проживающих в женском монастыре в качестве исповедников и помощников по хозяйству.

Нервы Катарини были напряжены до предела, она следила за окнами, молясь, чтобы они оставались темными, в них не вспыхивал свет, свидетельствующий о том, что кто-то был потревожен шорохами и звуками движения во дворе. Ей казалось, что монахи могут проснуться не столько от шума бегущих ног, сколько от громко бьющихся сердец беглянок. Их сердца бились так сильно, что могли поднять даже святых в могилах.

В мгновения страха и сомнений Катарина снова и снова, как делала это в последнее время сотни раз на дню, напоминала себе о цели, ради которой затеяла побег. Она знала, от чего ей хотелось убежать: от пустой жизни в монастыре, от ощущения своей ненужности, бессмысленного ожидания старости. Ей постоянно твердили, что ее монашеский постриг — самый прямой путь в рай. Отказываясь от монашества, она отказывалась от рая. Однако жажда выйти замуж и завести семью была столь сильной, что она поверила, будто Сам Бог вложил это устремление в ее сердце. А желание узнать правду о своем предназначении было еще сильнее.

Конечно, эти желания не вспыхнули бы в Катарине с такой силой без содействия извне, которое оказали сочинения Мартина Лютера, совершившие переворот в ее душе. Отрывки этих

сочинений содержались в письмах, которые тайком проносили в монастырь. Там говорилось, что праведные женщины, даже сама Дева Мария, служили Богу, не будучи монахинями. Лютер уверял, что не обязательно жить в затворничестве для спасения души. Его слова оживили в Катарине забытые вопросы, которыми она когда-то задавалась, но так и не нашла на них ответов и которые заглушило монастырское бытие. Лютер с новой силой не только пробудил в Катарине желание найти правдивые ответы на мучительные вопросы о своем предназначении, но и в какой-то мере ответил на них. Катарина поняла, что можно оставаться верной Христу, но жить иначе. И она, как и некоторые ее сестры, просто не могла больше жить как прежде. Эти сестры, ее самые близкие подруги, задавались теми же вопросами, ими владели те же желания. Они тоже считали, что эти желания не порочны, а естественны, и хотели рискнуть, хотели вернуть то, чего их лишили вопреки их воле. Что ж, выбор сделан, монахини доверились ей, назад пути нет. Она не может подвести их.

Холодный воздух пощипывал щеки и нос, от утренней росы туфли промокли, ноги сводили судороги. Сестры двигались за ее спиной, выстроившись в ряд, повторяя все повороты узкой тропы в кустарнике, стараясь быть бесшумными, словно ангелы. Вот и грядки с лекарственными растениями. Это почти половина пути до внешней стены, можно приостановиться, позволить себе немного отдыха.

Катарина знала эти огороды лучше других. Летом каждый бутон, каждая веточка растения, будь то тмин, укроп или окопник, чувствовали прикосновение ее заботливых рук, хранили их тепло. Сладкий аромат цветущей примулы будто бы и сейчас витал в воздухе. Катарина окидывала печальным взором пустые весенние грядки — это было прощание с тем, что было ей дорого, что скрадывало невзгоды монастырской жизни. Кто станет ухаживать за травами, когда ее не будет тут? Никто не сможет делать это так, как делала она.

Но хватит сантиментов, пора продолжить путь. Монахини миновали колодец, за которым раскинулся сад. Под раскидистыми ветками яблонь и груш они могли облегченно вздохнуть. Казалось, сад надежно укрывает их, здесь они могут быть в полной безопасности.

Катарина остановилась и подняла руку — всем стоп! Скоро начнет светать. В утренних сумерках Катарина заметила, что на переплетающихся ветвях деревьев уже пробиваются листики.

Она застыла на месте, следом за ней и все остальные. Девушки едва дышали, напряженно прислушиваясь к звукам, — их обнаружили или не обнаружили? Маргарита, стоявшая рядом с Катариной, нечаянно наступила на ветку. От ужаса она вцепилась холодными пальцами в руку Катарины, ее глаза говорили: *«Неужели я все испортила? Нет, не может быть, ведь мы почти пришли»*.

Действительно, до стены монастыря оставалось совсем немного. *«Тише, успокойся, угрозы нет»*, — подала знак Катарина перепуганной сестре. Катарина знала, что сторож, если и встал, то будет завтракать у задних ворот. С пивом, которым вчера его угостил купец Коппе. Сторож будет слишком занят, поглощая излюбленный напиток. Даже если он обратит внимание на подозрительные шорохи, вряд ли прервет трапезу. Ведь он и представить себе не может, что кому-то вздумается бежать из монастыря. За всю его службу, а лет ему немало, таких приключений не случилось.

Сторож у ворот не опасен. А вот кого действительно следует опасаться, так это двух стражей, дополнительно назначенных аббатом из числа работников, живших при монастыре. Мера была вынужденной, связанной со слухами, что бегство из монастырей достигло большого размаха. И все из-за крамольных сочинений Лютера, которые, несмотря на усиленную охрану, проникали за, казалось бы, неприступные стены монастырей. Как ни пытался аббат Бальтазар скрыть от сестер Мариентрона вопиющие новости о побегах, не только монахинь, но и монахов, все знали о них. И это давало невероятную надежду.

«Сюда», — показала Катарина в глубь сада, и шеренга снова двинулась. Всю прошлогоднюю листву убрали, так что под ногами была лишь влажная почва. Как это было сейчас кстати! Катарина придерживала ветки, чтобы сестрам удобнее было проходить. Вот и первая цель — внешняя стена, окружавшая монастырь. Очутившись у нее основания, девушки едва не ахнули. Какая же она высокая!

Стена оказалась не такой, как они себе ее представляли, глядя на нее из окон своих келий. Вдруг тревожную тишину утра

взорвал лай охотничьей собаки. Катарина обхватила голову руками: «*Нет, только не это!*» Все ее тело дрожало. Грета вышла вперед. Хрупкая и маленькая, она неожиданно проявила твердость и спокойствие. Быстро прошлась вдоль стены, позвала сестер: «*Сюда!*» Подбежав к Грете, монахини увидели холм, прикрытый ветками. Грета быстро раскидала укрытие, под которым обнаружилась земляная насыпь.

— Дамы, мы на месте, перебираться будем здесь, — прошептала она.

Грета трудилась над этой насыпью и укрытием из веток всю неделю. И теперь всем видом своим показывала, какая она молодец, как здорово потрудились и выручила всех. Ее труд позволит преодолеть стену. Грета пойдет первой, покажет пример, а потом поможет остальным спускаться, будет встречать их на другой стороне.

Катарина и сестра Маргарита поднялись на насыпь и сцепили руки, образуя как бы ступеньку, — так Грете будет легче подняться наверх. Сейчас Катарине некогда было думать об опасностях, которые могут поджидать их на той стороне. За стенами монастыря простирались леса, в которых водились дикие кабаны, лисы и даже разбойники. Это была незнакомая местность, таящая в себе серьезную угрозу их жизни. Но цель, ради которой стоило идти на такой риск, была очень высока: они смогут жить нормальной человеческой жизнью, выйдут замуж, родят детей, после стольких лет одиночества и затворничества обретут семьи.

Все монахини, кроме Катарины и Маргариты, перелезли через стену и ожидали подруг на другой стороне. Катарина показала взглядом: «*Твоя очередь*». Маргарита покачала головой: «*Вначале ты, я за тобой*». И вдруг глаза ее стали круглыми, как две монеты. Катарина оглянулась и пришла в ужас: «*Святая Мария, Матерь Божья...*» В глубине сада кто-то пробирался к ним. Девушки запаниковали. Катарина подтолкнула Маргариту к насыпи:

— Скорее, ну же, лезь наверх! Я помогу тебе. Если мне не суждено выбраться, ты поведешь сестер. Идти надо на север вдоль реки. Все поняла?

Лицо Маргариты исказилось в тревоге, она вцепилась в руку Катарины:

— Я не пойду без тебя. Я тебя не брошу.

Катарина подтолкнула ее к стене:

— Ты должна.

— Без тебя у нас ничего не получится.

— Я задержу их, у вас будет время, чтобы уйти как можно дальше. Если ты сейчас же не двинешься — погубишь всех!

Их пререкание прервал тихий голос:

— Меня подождите.

Это была сестра Рут. Она с трудом прокладывала себе путь сквозь кустарник, ломая ветки с распускающимися нежными листьями. Ей было очень тяжело двигаться, потому что она тащила что-то за собой. Катарина вздохнула с великим облегчением, немного пришла в себя, но вскоре увидела «груз», который волокла на себе сестра Рут. Это были ослабевшие, почти без сил сестры соседнего монастыря, за которым тоже надзирал аббат Бальгазар! От страха и трудного пути они едва держались на ногах, их лица посерели, обе сильно дрожали.

Молоденькие монахини Фроника и Этта, скорее всего, приняли обет повиновения, бедности и целомудрия не раньше, чем в прошлогодний Великий пост. Как многое изменилось в их жизни за один год, если они уже созрели для того, чтобы нарушить свои клятвы! Сестра Рут, крупная и сильная, какими обычно бывают крестьянские жены, выпустила девушек из своих рук, колени их согнулись, и беглянки рухнули бы на землю, если бы Катарина и Маргарита не приняли эстафету от Рут. Катарина подхватила Фронику, подняла ее на ноги. То же самое проделала Маргарита с Эттой.

Обнимая Фронику, Катарина почувствовала что-то липкое на своих руках. Было уже достаточно светло, чтобы различить кровь на одежде девушки. От нее пахло затхлостью монастырской тюрьмы, плесенью и мочой. В глазах застыли бесконечная боль и отчаяние. Катарина вспомнила тот момент, когда аббат Бальгазар заставил Фронику опуститься на колени во дворе, оголил ее спину и немилосердно отхлестал кнутом. Тогда, глядя на показательную экзекуцию, Катарина ощущала себя слабой и беспомощной. Ей пришлось смотреть на истязание, и при этом она ничем не могла помочь несчастным наказуемым. Но теперь она могла, и ей очень хотелось поскорее облегчить страдания бедных монахинь.

— Держитесь, как только мы выберемся отсюда, я займусь вашим лечением. Обещаю, — прошептала она.

Катарина оперлась на стену и стала подтягивать Фронику вверх. Девушка хоть и была молода, но весила прилично.

— Как тебе удалось дотащить их? — запыхавшись, спросила Катарина сестру Рут.

— Сама не знаю, — ответила Рут. Она тоже тяжело дышала, но говорила без колебаний: — Я не могла их здесь оставить. Для них это верная гибель!

— Все будет хорошо, — прошептала Маргарита и нежно поцеловала склоненную голову Этты. — Если мы проявим сострадание к другим, Господь явит нам Свою милость.

Катарина ничего не ответила. Вмиг перед ее мысленным взором пронесли события, которые привели ее и сестер к этой монастырской стене. Все началось с запрещенных сочинений Мартина Лютера, отрывки из которых были в письмах, получаемых Фроникой и Эттой. Все монахини прекрасно знали, кто приносил сестрам эти письма. Это был их дядя, настоятель августинского монастыря в Grimme, который жил неподалеку. Когда он посещал племянниц, то мог разговаривать с ними только через окно со свинцовыми решетками. Всякое иное общение было строго запрещено. Решетки же были настолько частыми, что в них и клочок бумаги невозможно было просунуть. Но по особым случаям дяде разрешалось делать подарки девушкам. В них-то и спрятал настоятель рукописи с заметками.

Естественно, Фроника и Этта не могли держать ошеломляющие новости, содержащиеся в рукописях, при себе. Они тайно передавали бумаги другим монахиням. Если бы не эти девочки, никто из обитательниц монастыря так бы и не узнал о новаторских идеях Лютера. Эти идеи не пробудили бы у них желания изменить свою судьбу. Никто бы не решился даже мечтать о переменах в той жизни, которую они знали и считали единственно доступной им.

Теперь судьба Фроники и Этты была в руках Катарины, которая понимала всю ответственность, свалившуюся на нее. Но как эти истерзанные, обессиленные девушки преодолеют тяжелую и опасную дорогу? Разве смогут они бежать? А если не смогут, то будут тормозить остальных. Что же делать?

Хриплый шепот Греты с противоположной стороны заставил Катарину действовать. Неважно, удастся им сбежать или нет, но сестер она не бросит. В крайнем случае, если девушки не смогут идти, она останется с ними и отправит Маргариту вести остальных на свободу.

Катарина перелезла через стену последней. Когда ее ноги коснулись почвы за стеной монастыря, она испытала чувство, которое трудно было описать. Ей хотелось плакать, но она взяла себя в руки, опустилась на колени и перекрестилась: «*Слава Отцу и Сыну и Святому Духу*». Потом она склонилась до земли, ее губы коснулись влажной молодой травы. Это была другая трава и другая земля, нежели в монастыре. Такую землю в последний раз она видела в далеком детстве. Отец отвез Катарину в монастырь, когда она была маленькой пятилетней девочкой. И вот теперь, впервые за девятнадцать лет, она оказалась за стенами монастыря. Она полной грудью вдыхала воздух свободы. Перед ней простирался неизвестный мир, где жизнь была совершенно другой, незнакомой. Как встретит беглянок этот мир?

Грета вернула Катарину в действительность, похлопав ее по плечу. Толстая каменная стена отделяла девушек от преследователей, но для самих преследователей, конечно, не являлась непреодолимым препятствием. Катарина с ужасом вспомнила об этом, когда отвлеклась от своих мыслей. Откуда-то из глубины монастыря донесся встревоженный крик.

— Проснулись, — прошептала Катарина, поднимаясь с колен.

Сердце едва не выскакивало из груди. Она встретилась взглядом с Гретой, серьезный вид девушки подтвердил ее худшие опасения.

Побег раскрыт. Аббат Бальтазар быстро созовет команду, беглянок начнут искать повсюду. С собаками, вооруженные, на конях.

Далеко ли сбежавшим монахиням удастся уйти, прежде чем их поймут?

ГЛАВА 2

Насхальная служба в церкви Святого Георгия в Мансфельде закончилась. Небо на востоке светлело. В предрассветных сумерках виднелись фигуры выходящих из церкви прихожан, тихонько переговаривавшихся между собой под впечатлением праздничного богослужения. Среди них был ничем не выделяющийся из толпы монах. Его звали Мартин Лютер.

Лютер вышел через арку главного входа церкви и глубоко вдохнул холодный утренний воздух. Он наслаждался редким в его нынешней жизни покоем. Проповедь, главной темой которой было милосердие, принятое причастие дали успокоение душе Лютера. Хотя бы на это короткое время ему удалось забыть о бесконечных тревогах, которые сковывали его, словно кандалы.

На его плечо легла чья-то рука.

— Готов позавтракать?

За спиной Лютер услышал ласковый голос своего товарища Меланхтона и такое своевременное предложение. Вместо Лютера ответил его живот, бурчание которого свидетельствовало, что пришла пора прервать Великий пост.

Постился Лютер давно и легко мог бы держать пост и дальше, если бы захотел. Так он и делал в течение многих лет, когда проживал в монастыре Эрфурта. Ему нравилось поститься до тех пор, пока силы совсем не покидали его, он не мог даже пошевелиться. Лютер запирался в неотапливаемой келье,

истово молился. Усталость, изнеможение валили его с ног, он без чувств часами лежал на ледяном полу, пока братья во Христе не взламывали дверь.

Беда была в том, что как бы Лютер ни истязал себя, душа его не находила покоя. Он не чувствовал, что освободился от грехов. Осознание своей греховности толкало его на новые истязания своего организма. К счастью, те дни страха, безуспешного раскаяния и ужаса перед осознанием своей греховности остались в прошлом.

— Согласен, пора перекусить, — ответил он Меланхтону, сворачивая в узкую улочку, весьма оживленную, несмотря на столь ранний час. Невысокие дома в два-три этажа жались друг к другу, ставни большинства окон были закрыты, чтобы морозный весенний воздух не проникал внутрь. Облик этого небольшого городка, его лавки и фасады домов мало изменились с тех времен, когда он еще мальчиком бродил по этим улицам, посещал школу и мечтал стать юристом. Тот мальчишка никогда бы не подумал, что спустя почти сорок лет он вернется сюда отлученным от церкви монахом.

Меланхтон шагал в ногу с Лютером, его рыжие вьющиеся волосы торчали во все стороны, выбиваясь из-под широкого берета. Он был чуть ниже Лютера и смотрелся рядом с ним как щуплый юноша. Но все, чего не хватало его внешности, он восполнял проявлениями своего сердца и ума.

Худое лицо и ввалившиеся глаза Меланхтона выдавали в нем ученого, каковым он и являлся несмотря на молодой возраст. В свои двадцать шесть он был уважаемым профессором греческого языка, а для того чтобы окружающие не принимали его за студента Виттенбергского университета, ему приходилось носить небольшую бородку.

— Нам нужно вернуться в Виттенберг до службы третьего часа*, — сказал Меланхтон. — Я обещал жене и ребенку, что буду праздновать с ними Пасху.

Лютер обратил внимание на беспокойный блеск в глазах друга и кивнул, продолжая путь:

— Не волнуйся, мой добрый друг, ты вернешься к своей семье, когда захочешь.

---

* Служба третьего часа (третий час) — богослужение суточного круга, первоначально совершавшееся в 3-й час от восхода солнца.

Лютер знал, что обещания Меланхтона семье — всего лишь предлог для того, чтобы поскорее уйти от него. Правда, которую не высказал Меланхтон, состояла в том, что Лютер подвергался смертельной опасности везде, куда бы ни приходил. Два года назад, после судьбоносного Вормского рейхстага, на котором император и папа римский признали его еретиком, Лютер решил затаиться, нигде особо не показывался, никуда не ездил с речами и воззваниями. Он целый год прятался в замке Вартбург, выдавая себя за рыцаря, но потом решил, что с него хватит. Он перестанет дрожать от страха пред своими врагами. Да, его злейшие преследователи желают схватить его живым или мертвым, расправиться с ним так, чтобы другим неповадно было. Но Лютер бросает им вызов. Вместо вечного страха он выбирает свободу. И он снова начал путешествовать, к большому огорчению своих друзей.

Впереди, на углу дома, сидел нищий, закутанный в грязное тряпье калека, и протягивал тощие руки к проходившим мимо него людям. Лютер машинально потянулся к кошельку, висевшему у него под наплечником. Но кожаный мешочек был пуст. Впрочем, как всегда.

— Мне нечего ему дать, — пожаловался он Меланхтону.

— Ты как святые апостолы, — ответил ему Меланхтон в своей обычной примирительной манере. — Возможно, у тебя нет ни серебра, ни золота, но ты даешь им больше — надежду.

Слова Меланхтона должны были утешить Лютера, но он все равно остановился возле нищего.

— Идем, — он поднял калеку на ноги. — Я знаю, где тебя накормят.

— Доктор Лютер, — восклицали прохожие, узнававшие его. — Это же доктор Лютер!

Меланхтон огорченно вздохнул и отодвинулся на некоторое расстояние от Лютера. Прекрасно понимая причины такого поведения друга и его беспокойство, Лютер тем не менее не стал делать вид, будто люди обознались. Он пожимал им руки и говорил с теми, кто подходил к нему.

— Это правда, что мне не нужно покупать индульгенцию, чтобы освободить моего сына из чистилища? — спрашивал сутулый мужчина, одетый почти в такое же грязное тряпье, как и нищий.

— Да, это правда, — ответил ему Лютер. — Архиепископ берет с вас деньги, чтобы набивать ими свои сундуки. Но милосердие Господа не продается. Оно бесплатное.

Только когда Меланхтон осторожно подтолкнул Лютера, тот снова двинулся вперед, поддерживая нищего твердой рукой. Наконец они вошли в таверну. Лютер устроил нищего за скромным столиком, а сам стал искать место для себя и Меланхтона. Тем временем к нему уже со всех сторон устремлялись люди. Не успели Лютер с Меланхтоном найти свободную скамью в полутемном задымленном зале, как к ним за стол начали подсаживаться горожане, желавшие услышать монаха, который посмел восстать против папы римского.

Утолив жажду, Лютер поднял свою кружку, давая знак хозяйню таверны снова ее наполнить. Тот кивнул и начал пробираться к нему через собравшуюся вокруг стола толпу.

— Я согласен, нет простого решения проблем, о которых вы говорите, — произнес Лютер, обращаясь к своим настороженным слушателям. — Но мы прежде всего должны слушать Бога и не позволить дьяволу мешать нам. Мы должны в точности исполнять Божью работу.

— Вы считаете распуск монастырей Божьей работой? А что если это работа, придуманная Мартином Лютером, а не Богом? — лукаво улыбаясь, спросил его один из старших священников Мансфельда, сидевший напротив. Его шаубе*, отороченная мехом, ниспадала красивыми складками с плеч. Скорее всего, он никогда бы не заглянул в эту таверну, не окажись в ней Лютер. Его вопрос заставил публику снова зашуметь.

В помещении таверны с низко нависающими балками и потемневшими от копоти свечей стенами царил полумрак. Ставни были распахнуты, холодный ветер задувал в крохотные окошки, но плотная завеса душной, застоявшейся атмосферы заведения была непробиваема. Лютер почувствовал легкое удущье, им овладело раздражение — так случалось всякий раз, когда он вступал в дискуссию с богатыми вельможами, воображающими, что они все знают. Почему они считают, будто титул

---

* Шаубе — верхняя мужская одежда свободного покроя с длинными и очень широкими рукавами, распространенная в Германии в первой половине XVI в.

дает им право превозноситься над простыми людьми, такими, каким был сам Лютер?

— Если роспуск монастырей — полностью работа Мартина Лютера, — ответил он, перекрывая шум в таверне, — тогда вам не придется испытывать стыд за то, что вы заточили двух своих дочерей в Видерштедтском монастыре. Верно, герр Колер?

— Я пожертвовал их Господу, чтобы они служили Ему и славили Его. Что же в этом плохого?

— А вы спросили дочерей, хотят ли они именно таким образом служить Богу? — Не дожидаясь ответа, он продолжил: — Господь желает, чтобы Ему поклонялись добровольно, а не из-под палки.

Хозяин таверны подошел к столу и поставил перед Лютером тарелку с соленой селедкой, хлебом и сыром, после чего наполнил его кружку. Он всегда радовался, когда Лютер заглядывал в его заведение и не брал с него платы за еду и питье. Клиенты, которые шли следом за Лютером, с лихвой покрывали стоимость затрат на традиционно скромную трапезу монаха-бунтовщика.

Сегодня наплыв посетителей был особенно большим. Хозяин таверны расщедрился и поставил перед Лютером жареную жирную рыбу, от запаха которой у монаха заурчало в животе. Лютер подобрел и кивнул Меланхтону на тарелку, предлагая разделить трапезу, но тот отказался, покачав головой. Меланхтон довольствовался тем, что сидел рядом и предоставлял Лютеру возможность самому отбиваться от града вопросов, критики и получать за это славу и еду. В добрых глазах друга не было зависти. Лютеру доставляли удовольствие словесные баталии, а вот Меланхтон старался их избегать.

— Монастырская жизнь — привилегия для наших дочерей, — заявил другой богатый бюргер. — Где еще наши дочери научатся петь псалмы, читать и писать, говорить на латыни?

— Правда? А я-то думал, что они учатся другому, наблюдая, как церковь потворствует похоти священников, которые надзирают за ними и живут припеваючи за их счет.

Зал взорвался хохотом в ответ на это замечание Лютера, также раздались громкие протесты. Но Лютер знал, о чем говорил, ему ничего не стоило доказать тот факт, что монастыри превратились в обычные бордели. Он лично видел насилие, которому подвергались монахини, знал про их угнетенное состояние.

Знали это и господа, которые теперь так сильно возмущались. Но их протестующие речи были фальшивы. Им выгодно было притворяться слепыми и глухими, чтобы не испытывать чувство вины за то, что обрекали своих дочерей на страшную судьбу монахинь, вынужденных подчиняться любым капризам священнослужителей всех рангов, и за то, что таким образом решали свои финансовые проблемы — им не надо было тратить на приданое, выдавая дочерей замуж.

Лютер сделал большой глоток, чтобы избавиться от сухости во рту и продолжил:

— Всем известно, во что превратились аббатства. Если в вас осталась хоть капля милосердия и вы хотите поступить по совету, то рискните своим положением, богатством, жизнью, наконец, и заберите дочерей из этих пагубных для их души мест.

— Тогда мы столкнемся с большой проблемой, — заговорил Иоганн Леденер, викарий церкви Святого Георгия. Сегодня Леденер читал пасхальное обращение и еще был полон вдохновения, чтобы продолжать назидания: — Что, по-вашему, мы станем делать с монахами и монахинями, которые желают покинуть монастырь? У них нет никаких навыков, они абсолютно не приспособлены к жизни в миру. А у монахинь нет шанса выйти замуж.

— Я уже говорил, что простых решений нет. — Лютер взял нож и принялся за свою селедку. — Но скажу следующее: дайте монахам возможность научиться ремеслу, а монахиням позвольте выйти замуж за тех, кого они сами выберут.

Один из вельмож ударил рукой по столу так, что подскочили кружки. Многие мужчины, окружавшие Лютера, возмущенно загудели, а кто-то даже грубо выругался. Всякую крамолу они могли терпеть, но заявлять, что женщины сами могут выбирать себе мужей — это уже ни в какие рамки.

Лютер невозмутимо поднял кусочек рыбы на кончике ножа и повертел его перед собой, будто оценивая. Он отлично понимал, то, что он предлагает, слишком радикально. Множество границ разделяли общество на сословия, общение между которыми было невозможно. Богатые и бедные существовали всегда. Было много неписаных правил, нарушать которые никто не решался. Лютер поставил такой порядок под сомнение, решил, что пришло время разобраться в этом.

— Что плохого в том, чтобы выдать дочь за человека не своего круга? Если вы не в состоянии заплатить хорошее приданое жениху вашего статуса, почему надо помещать ее в монастырь? Не лучше ли отдать ее в жены благочестивому мужчине, пусть даже он будет не вашего круга? Но он будет для вашей дочери заботливым мужем и хорошим отцом своим детям...

Меланхтон прервал Лютера, толкнув его и показывая на дверь.

Лютер посмотрел туда, куда указывал Меланхтон, и увидел широкие плечи своего отца, который пробирался к ним через толпу. Лютер застыл с открытым ртом, дыхание перехватило, нож выпал из его руки вместе с кусочком рыбы. Он поспешно сунул тарелку в руки молодому купцу, сидевшему с ним рядом: «Ешь! Это твое», — с трудом поднялся со скамьи и стоял, пытаясь держать голову высоко, чтобы не выглядеть провинившимся мальчиком, заслужившим порку розгами.

— Так-так, мой сын здесь, — голос отца перекрыл шум в таверне. Лютер-старший все еще продолжал проталкиваться к столу: — Мне следовало сразу догадаться, что непутевый сын предпочтет пойти в таверну, вместо того чтобы в праздник позавтракать со своей семьей.

— Добрый день, отец.

Отец молча уставился на сына, его брови сошлись на переносице над длинным носом, а губы плотно сжались. Лицо его было чистым, как и его штаны и плащ, никаких следов угольной пыли. Однако щеки его ввалились, и в столь ранний час он выглядел усталым.

Отец Мартина, Ганс Лютер, сын крестьянина, тяжело работал всю жизнь, чтобы добиться лучшего положения в обществе. Он женился на женщине из бюргерской семьи среднего достатка, деньги родственников позволили ему вложиться в медные рудники. Повседневным тяжелым трудом отец заработал деньги, чтобы взять в аренду рудники и плавильные печи. Пришло время, и рудники стали приносить хороший доход. Ганс разбогател. Он смог оплачивать образование Мартина, который учился на юриста, но юноша ушел в монастырь, не завершив курс. Науки были ему неинтересны, стало быть, и образование было ненужным.

Счастье Ганса длилось недолго, горное дело переживало трудные времена. Доход от плавильных печей не покрывал

накапливающиеся долги. Это не могло не сказаться на характере и настроении Ганса, все чаще он был раздражительным и сердитым. Мартин чувствовал себя виноватым перед отцом и все реже и реже посещал родной Мансфельд. И хотя отец крепко сердце согласился с выбором сына, с тем, что тот посвятил свою жизнь церкви, став сначала монахом, а затем профессором богословия в Виттенберге, Лютер-младший так и не сумел избавиться от ощущения, что подвел своего отца. В пасхальные дни он не мог не навестить родителей и дальних родственников, которые традиционно собирались в их доме. Но всякий раз он чувствовал осуждение отца, хотя сам отец вряд ли осознавал это.

— Сядь с нами, Ганс, — сказал викарий, освобождая место. — Скажи нам свое мнение о монахах и монашках, покидающих монастыри.

Сидящие за столом оживились, интересно, что скажет отец взбунтовавшегося монаха. Лютер чувствовал себя не в своей тарелке. Больше всего ему сейчас хотелось броситься из таверны наутек, но ничего другого не оставалось, как только снова сесть на свое место. Он слишком любил и уважал своего отца, чтобы уйти, бросив его на радость любопытствующей толпе. Подобные публичные разборки обычно выявляли все его ошибки и просчеты. А Мартин этого не любил, впрочем, как и все люди.

— Что ж, теперь монахи покидают монастыри, женятся. А чем мой сын хуже? — сказал Ганс Лютер, причмокивая после большого глотка из кружки, которую быстро поставил перед ним расторопный хозяин таверны. — Знал бы он, каких удовольствий лишает себя.

Мужчины в таверне засмеялись.

Мартин покраснел и начал мямлить:

— Я слишком занят для таких дел...

— Мой сын вечно слишком занят. Слишком занят, чтобы подарить старому отцу наследника, носителя его фамилии.

— Следует ли человеку, приговоренному к смерти, заводить жену? — Мартин старался говорить уважительно, хотя видно было, что все в нем закипало от возмущения, вызванного осуждением его личной жизни. — Как только враги поймают меня, гореть мне на костре. Зачем оставлять бедную вдову и сирот на произвол судьбы? Только дьяволу известно, какие пытки уготованы моей семье после моей смерти.

От этих слов Ганс побледнел и судорожно глотнул из своей кружки, кадык его непроизвольно дернулся. Видя это, Мартин склонил голову, ему было до слез жаль отца, непереносимо наблюдать мучения, которые он доставлял ему. Каким бы суровым ни старался быть отец, Мартин знал, что он нежно любит его и желает ему только добра. Однако, судя по всему, их отношения всегда будут приносить разочарование, огорчение и боль.

Немую сцену прервал звук упавшей на пол кружки и приглушенный вскрик. Лютер обернулся и увидел, что молодой купец, которому он отдал свой завтрак, свалился со скамьи и лежал на полу в корчах. Толпа вокруг тотчас расступилась, наблюдая, как мужчина бьется в конвульсиях, губы его побелели, лицо стало синюшным.

— Позовите врача! — крикнул кто-то.

Человек, опустившийся на колени возле купца, подобрал кусочек рыбы, оброненный в суматохе. Он понюхал его и отшвырнул как можно дальше.

— Рыба отравлена.

Лютер моментально забыл, какие еще аргументы хотел привести в пользу своего отказа жениться. Он молча смотрел на вывалившийся серый язык и выпученные глаза купца, тот прерывисто дышал, каждый его вздох мог стать последним.

У Лютера задрожали руки.

— Господи, помилуй! — Он всматривался в раскрасневшиеся лица вокруг, отыскивая одно лицо — дьявол был где-то рядом.

— Отравлена? — голос Ганса был тихим, но его слышали все. — Зачем кому-то на этой благословенной земле понадобилась смерть герра Мюллера?

В голове Лютера зазвучала барабанная дробь, она становилась все громче, отдаваясь в висках. Давление, которое он ощущал в голове, стало невыносимым. Смерть преследовала его повсюду, в каждом городе, за каждым поворотом, в любом доме, где бы он ни остановился. Враги охотились за ним, и вряд ли стоило ожидать, что когда-нибудь они успокоятся, оставят свою затею убить его.

Но на этот раз смерть подобралась слишком близко.

Стоило бы ему только откусить кусочек...

